

Мельник Я. Г.

Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника

ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ МЕТАМОРФОЗ И ТРАНСФОРМАЦИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Б. ОЛЕЙНИКА

У статті розглядаються такі категорії, як метаморфози та трансформації як елемент мовної та поетичної картини світу. Ці понятійні категорії мають давню історію, але в науковій розвідці пропонується легалізація їхнього статусу як лінгвопоетичних, літературознавчих, художньо-поетичних та мовнокультурних категорій. Саме вони висвітлюють феномен видозмін у рамках поетичного та світоглядного доробку. Автор поетичного тексту своєю творчістю маніфестує синтез мовнокультурної (етнокультурної) та індивідуальної картини світу. У цьому контексті запропоновані категорії відображають ці самі бінарні видозміни. Трансформації та метаморфози – це втрата об'єктом, предметом, явищем чи процесом одних ознак, властивостей і субстанції загалом та набуття ними іншої, цілком новітньої природи. Такі своєрідні реінкарнації відображають уявлення поета і народу про сутність речей та варіанти їх перевтілень. Автор зазвичай до народно-стереотипних уявлень додає індивідуально-особистісні та художньо-поетичні варіанти таких видозмін. Найчастіше трансформації та метаморфози зливаються в єдине тло й утворюють унікальний поетично-образний орнамент. Цікавими й актуальними є типологічні варіанти таких змін, які дають змогу інтерпретувати поетичний доробок автора як унікальну мовно-картинну та поетичну картини світу. Із цього погляду поетична спадщина Б. Олійника становить значний інтерес, розгортання художньо-образних віднайдень автора в зазначеному напрямі дає змогу під новим кутом зору побачити галерею образів, а також затвердити запропоновані категорії в їхньому новому художньо-поетичному та науковому статусі. Це означає, що творчі напрацювання не лише Б. Олійника, а й інших митців слова, як і народнопоетична творчість загалом, можуть набутися нового дослідницького вектора, що допоможе більш об'ємно та багатогранно побачити творчу спадщину письменників і поетів.

Ключові слова: трансформації, метаморфози, художній образ, символ, поетична картина світу.

Лингвистика последних десятилетий радикально изменила стратегию и сформировала новую парадигму в интерпретации языкового знака. Изменение вектора движения лингвистической науки от формально-логического до антропоцентрического подхода к языковому явлению стало причиной формирования лингвокультурологического, лингвосемиотического, лингвопоэтического и прочих направлений. Кроме этого, в фокусе современных изысканий оказались «человек говорящий», «художественно-поэтический текст», «языковая картина мира». Это позволило открыть комплекс качественно новых свойств как хорошо известных, так и новых объектов исследования. Указанные процессы и явления имеют свои причины и предысторию. В первой половине XX века в пространстве научных разработок появились труды М. М. Бахтина, Л. В. Щербы, Р. Барта, Р. Якобсона, А. Белого,

Д. С. Лихачева, П. Тейяра де Шардена, П. Флоренского, А. Ф. Лосева, Б. Уорфа, Э. Сепира и других исследователей. Они явились основанием для концептуально новых разработок в области филологии и гуманитарной сферы вообще.

Во второй половине XX века новые концепции в лингвистике развивались в русле антропоцентрической философии и нашли отражение в трудах Ю. С. Степанова, А. Вежбицкой, Ю. Н. Караулова, М. Р. Масновой, Ю. М. Лотмана, В. Н. Телии, И. А. Стернина, Э. В. Кузнецовой, Ч. Филлмора, Л. Талми, Р. Ленкера, Дж. Лакоффа, Г.-Г. Гадамера и других.

В настоящее время комплекс филологических наук представлен трудами не только лингвистов и литературоведов, но и психологов, социологов, культурологов, философов, семиологов и представителей других гуманитарных и смежных направлений. Поэтому последние десятилетия были

ознаменованы трудами Г. Гачева, М. Маковского, А. С. Кубряковой, Р. М. Фрумкиной, Н. Д. Арутюновой, В. И. Карасика, В. В. Красных, В. В. Воробьева, В. А. Масловой, Н. Ф. Алефиренко, Н. В. Слухай и других, в которых очертился новый формат научных разработок. В связи с этим современный терминопонятийный комплекс гуманитарных наук наполнился новыми категориями, понятиями, гипотезами и теориями. Таким образом, в эпицентре современной филологии и гуманитарных наук вообще оказался не знак или понятие как самостоятельные категории, а человек с его внутренним миром, культурой, культурно-исторической памятью, мировоззрением, религией, эстетико-поэтическим миром [7, с. 8].

В контексте нового прочтения человеческого бытия весьма актуальными оказались тексты как предмет интеллектуальной обработки действительности, как результат исторического опыта и субстрат, в котором голографическим способом спрессовался многовековой культурно-языковой опыт [12, с. 24]. В ключе сказанного выделим из комплекса объективного и квазикатегорийного континуума такие единицы, как метаморфозы и трансформации, определим их место в общей поэтической картине мира и в поэтическом наследии Б. Олейника в частности.

Метаморфозы и трансформации как неотъемлемые признаки бытия материального мира и как органические составляющие диалектической природы мироустройства недостаточно исследованы и описаны. Превращение мира, переход из одного состояния в другое, полная потеря первичных свойств, признаков, форм и приобретение принципиально новых является частью динамики Вселенной, неразрывной цепью ее постоянного умирания и рождения. Очевидно, что еще на раннем этапе развития человек обратил внимание на удивительные превращения дерева в тепло под воздействием пламени (плазмы) и дальнейшее превращение его в золу. То есть то, что еще недавно было весомым, обозримым, было параметрально очерченным, приобрело качественно иные формы и содержание. Подобно этому человеческая жизнь конечна и то, что было органической и полноценной жизнью, становится бездыханным телом без какой-либо жизненной динамики и надежды на возвращение в предыдущее состояние. Только за исключением некоторых фактов окружающей действительности – скажем, вода становится льдом или снегом, потом опять водой или паром, или цвет превращается в плод, и в следующем году повторится этот извечный цикл природы.

Метаморфозы и трансформации (и прочие преобразования) многоаспектно вошли в картину мира человека, во все культуры, религии, фольклор.

Не составляет труда окинуть взглядом массив устно-поэтического творчества (народной песни) любого народа или обратиться к текстам народных сказок и увидеть огромный комплекс метаморфоз, которые стали неотъемлемой частью методологического принципа отражения реальной или виртуальной действительности. Характерным является и то, что ни один этнос (независимо от уровня развития) не исключил из своей картины мира метаморфозы и трансформации. Более того, зачастую можно обнаружить сходство многих миропоэтических сценариев преобразования у народов, которые физически не пересекались, в их истории развития или миграции возможные контакты практически исключаются. И любопытно то, что определенные явления человеческой жизни в разных этнокультурах находят аналогичную или очень похожую интерпретацию. Говоря о метаморфозах и трансформациях как явлениях реальной действительности и органической составляющей миропонимания, обратим внимание на то, что даже в религиях (во всех) принципы изменения формы и содержания (иногда просто формы, контекста, смысла) представлены целостно и многоаспектно. Метаморфозы вплетаются в канву религиозных сюжетов и становятся неотъемлемым элементом комплекса событий, фабулы текста и жизни. Скажем, одним из самых ярких и знаковых явлений трансформации по сюжету Евангелия стало Преображение Господне на горе Фавор, что, в свою очередь, стало доказательством доктрины божественного происхождения Иисуса Христа.

Метаморфозы и трансформации как элементы этнокультуры, миропоэтического комплекса, этнической картины мира, способа бытия и обязательное условие существования человеческого эго, миропонимание приобретают собственное парадигматическое наполнение, научно-философскую интерпретацию. Культура, литература, фольклор, этнокультурные традиции, язык и прочие сферы знаний легитимизируют эти категории, в результате чего формируется еще одна призма, через которую можно «увидеть» мир человека [6, т. II, с. 148].

Следует добавить, что попытка более скрупулезного прочтения указанных категорий является стремлением и еще одной попыткой человека расширить рамки познания, заглянуть за запретную линию человеческого бытия, прикоснуться к трансцендентальному и объяснить феномен

человека, приблизиться к тому, что называется «душой», Вечностью, Богом. Заметим в контексте сказанного, что метаморфозы и трансформации непосредственно отражают две святая святых субстанции миробытия, самые сокровенные тайны, это чудо воскрешения и превращения мира в слово, язык. Последнее положение отражает феномен, попадая в поле зрения человека, реальный мир через призму сознания трансформируется в слова, мысли, понятия, речь, культуру. То есть мир становится мыслью и словом. В процессе цепочки динамики и эволюции мир в форме «голографического сгустка» краткого афористического высказывания или в форме широкого исторического панно – эпос, «Илиада» и «Одиссея», исторических романов и тому подобного «спекается» и остается бесценным приобретением человечества. В этих «сгустках» накапливаются и спрессовываются знания о мире, о природе, о человеке, а также о самих трансформациях. То есть информация становится культурой. Таким образом эстетическая обработка, осмысление, интеллектуальный эксперимент и духовное внедрение в действительность в разных культурах обретают одну и ту же сущность, отражают глобальную программу человечества – это программа постижения. Тексты же выступают попыткой визуализации самых сложных категорий бытия и попыткой бегства в сторону истины, вечности и бессмертия.

В течение последних тысячелетий с началом существования высокоразвитых культур вышеуказанные категории подвергаются жесткому эксперименту. Именно они были базовыми категориями при строительстве пирамид и прочих глобальных движениях человеческой мысли и духа. Иначе говоря, все духовное, творческое приобретение (и изобретение) человечества от самых ранних культур до современного постмодернизма – это дискурс метаморфоз, трансформаций, преобразований.

В разных сферах знаний представлен терминопонятийный инструментарий. В узком дефинитивном раскрытии эти категории весьма близки по содержанию, а в более широкой интерпретации диапазон их «разброса» достаточно широк.

Метаморфозы традиционно – это «изменение кого-либо, чего-либо, полная и совершенная перемена» [1, с. 309].

В более широком истолковании метаморфозы – это трансформация одного существа в другие. Она обычно соотносится с общим символизмом перестановки, но также становится значимым выра-

жением, связанным с различием между неопределенной Единичностью и миром проявления. Процесс трансформации свойствен всем предметам и лицам, поскольку на самом деле не является чем-то особенным [4, с. 270].

Изменения приводят к появлению иного исходного материала, метаморфозе в восходящем направлении, уносящем все проявления от движущейся оси Колеса превращений вдоль лучевой дороги к «неподвижному двигателю» – неделимому и вневременному Центру.

С определенной осторожностью можно утверждать, что литературную прописку метаморфозы получили благодаря Овидию, мифологический эпос которого был построен на описании удивительных «превращений» – людей в богов, животных, созвездия и тому подобное [3, с. 195; 9, с. 195].

Заметим, что метаморфоза как категория бытия и когнитивный опыт в дефинициях (и прочих интерпретациях) представлена с помощью синонимов – «изменение», «потеря определенных качеств и свойств», «трансформация».

Metamorfoza – przemiana bohatera z postaci ludzkiej w zwierzęca, roślinna lub w jakis twój przyrody nieożywionej. Rozpowszechniony motyw występujący w antycznej mitologii i lit [10, с. 304].

А также:

Metamorfoza 1. przekształcenie się, przeobrażenie z jednej postaci w inną: zmiana kształtu, wyglądu, usposobienia [11, с. 488].

Transformacja – przekształcenie, przeobrażenie, zmiana czegoś, zwłaszcza zasadnicza, na dużą skalę [11, с. 741].

В древнегреческой культуре метаморфозы – это «поверье, что боги и чародеи могли превращать себя в других людей, животных, растения. Метаморфозы были одними из любимых сюжетов в поэзии эллинистической эпохи. Эта традиция нашла отражение в поэме Овидия «Метаморфозы» [9, с. 351]. То есть «превращение одних существ, предметов в другие (позволим себе не согласиться с энциклопедическим источником) отражает существеннейшие черты ранней мифологической мысли [6, т. II, с. 148]. Поскольку в современном мире насчитывается около одного миллиарда буддистов и прочих близких религиозных течений, существуют научно-исследовательские центры и институты, то назвать эту статистическую величину «ранней» или «первичной» даже с большой натяжкой не получается.

Традиционно метаморфозы – это только частичное и незначительное сохранение прежних качеств и свойств. Изменения (которые именуется

метаморфозами), как правило, являются процессами односторонними, бесповоротными. В комплексе дефинитивных толкований практически не уделяется внимания этому важному признаку, но в эпосе, фольклоре, художественной литературе (мире искусств) представленность этого качества весьма интенсивна [5, с. 443]. То есть в природе вода превращается в лед, в снег, потом в воду или пар и опять возвращается к своему изначальному состоянию. Но большинство предметов окружающей действительности такими свойствами не обладают. То есть процесс метаморфоз, как правило, односторонний и бесповоротный. Так же, как и время не имеет обратного хода. Иначе говоря, превращение дерева в золу, мифического персонажа – в созвездие, а человеческого тела – в прах – явления, которые не имеют обратного действия. Хотя в сказках определенным персонажам это качество свойственно. Скажем, Царевна-лягушка в сюжете сказки неоднократно переживает превращения из одного образа в другой.

Обращаясь к восточнославянскому фольклору, заметим, что всевозможного рода превращения являются органическим элементом системы сюжетов динамик. Так, скажем, в народной песне «Посилала мати сина у солдати» такая трансформация является центральным образом сюжета.

Посилала мати сина у солдати,
Молоду невістку – льон зелений брати.
Брала льон невістка, брала-вибирала
Та й посеред поля тополею стала.

Или:

Він хотів мене, калину,
Посадить в своїм саду –
Не довів і в полі кинув,
Думав, що я пропаду.

Я за землю ухопилась,
Стала на ноги свої
І навіки поселилась,
Де вода і солов'ї.

Традиционно в восточнославянском фольклоре в сценариях превращения задействованы ключевые, знаковые предметы, явления [2, с. 703]. Но трансформации и метаморфозы характерны не только для народнопоэтических текстов, но и для авторской поэзии разных эпох и периодов. Метаморфоза в литературоведении рассматривается как троп и один из самых древних литературных приемов. Так, у Т. Г. Шевченко встречается:

Отак тая чорнобрива
Плакала, співала <...>
І на диво серед поля
Тополею стала.

Метаморфоза по определению обладает способностью создавать образ через эпизод [5, с. 443]. То есть усиливать, «вплетать» в общую картину яркий сегмент, который выводит произведение в ранг высокохудожественного образного, глубокого, смыслообразующего изобретения.

Таким образом, описываемые категории – это путь к новой эпистемологии, к новому прочтению произведений искусства.

Экстраполируя опыт наблюдений в плоскость литературного наследия Б. И. Олейника, заметим, что комплекс лирических этюдов (зарисовки), которые нам оставил талантливый поэт, изобилует широким спектром разного рода видоизменений, преобразований и трансформаций. Однако обратим внимание на то, что этот художественный прием делает оригинальным и самобытным не только творчество упомянутого поэта. Практически любое поэтическое наследие обладает такими орнаментальными элементами. Примечательной поэзией Б. И. Олейника делают сюжетные конфигурации, сценарийная новизна и непредсказуемость. Кроме этого, изысканной шелкографией в тексты поэта вошли ментальные, мировоззренческие украинские этнокультурные элементы, которые автор с заметной легкостью, как бы невзначай, вплетают в гобеленовое полотно своих текстов. За этим прослеживаются простота и искренность в создании образов.

В поэтическом тексте «Эхо» – эпоха, человек, событие – трансформируется в эхо, которое гуляет «в глухих катакомбах». Реальная человеческая жизнь с полным спектром составляющих, ничем не приметная, среднестатистическая, каких было миллионы, становится предметом эстетической обработки. Автор в относительно ограниченных текстовых рамках с чрезвычайной выразительностью выписывает художественно точный образ трагедии – гибели взвода молодых матросов, среди которых «один сероглазый был».

Образ и судьба молодого паренька, который в составе войск под Севастополем попал в вихрь Второй мировой войны, по законам жанра и авторского образосозидания трансформируется в эхо. Эхо тут – полиструктурный образ: это и судьба, и вечность, и несогласие с несправедливым фатумом, это и опозит войне как бессмысленному кровавому месиву. Автор усиливает эффект трансформации, доводит сюжет до максимального напряжения, когда замечает, что в момент гибели где-то далеко, где нет войны, не падают бомбы, на свет появился «ты» – «сероглазое эхо».

И ты родился
 Ты – сероглазое эхо.
 (Среди них один сероглазый был <...>
 Сероглазый был <...>
 Сероглазый).

Анализируя этот поэтический текст, обратим внимание на творческое изобретение автора, его поэтическое открытие. Это нововведение – это актерский синтаксис. Поэт, разрушая все каноны и нормы русского синтаксиса и пунктуации, создает ступеньчатообразный текст, обрывая каждую строку на полуслове, превращая ее в эхо. Эта недосказанность текста и властвование эха – как мостик, звено между мирами. В результате такого уникального и неожиданного синтаксического решения этого образа досказанность и завершение текста отдаются во власть эху. В этом, кроме прочих чувств и эмоций, заложено несогласие автора с вопиющим решением рока. Эхо тут является продолжением земного бытия, напоминанием, подсказкой о том, что все это было недавно, и жизнь с правом быть и надеждами трансформируется в эхо. Но эхо в указанном тексте – это не просто звук, остатки, фрагменты исчезнувшей реальности, это и лучик надежды, потому что в этот «миг ты появился» – то есть в этот мир пришел маленький человек, который является эхом погибшего на войне отца. Новый человек, человек, пришедший в этот мир, – это отголосок ушедших поколений. Трансформация эпох и поколений, переход одной эпохи в другую напоминают всем живым о вечной связи и долге живых перед павшими.

Иного типа метаморфозы представлены в поэтическом тексте «Конь». Лошадь в данном случае становится человеком. Она не просто приобретает антропоморфные черты, а обладает глубокой жизненной мудростью, пониманием законов бытия. Именно конь человеческими словами обращается к лирическому герою с мудрым наставлением:

Ты мужчина,
 Подумай всерьез,
 Я иначе не мог <...> прости <...>
 Хватит слез!

Ты за нас, за двоих отплати!

Эта формула человеческой жизни – слияние человеческой судьбы и жизни животного, неразрывная связь двух форм бытия, которая конституируется в произведении, является экспликацией антропоцентрической модели взаимоотношений, а также соответствующей аксиологической шкалы: конь платит своей жизнью за возможность жить его хозяину и другу. Дружба между человеком и конем приобретает антропометрические параметры

и отражает исключительно межчеловеческие отношения. Таким образом, трансформация сильного, красивого, верного животного в человеческую сущность, а также его подвиг – отдаст свою жизнь, защищая друга, призывает читателя к катарсису, к высшей форме соучастия и сочувствия и личного переживания трагедии.

Близкая по форме и содержанию антропоморфная трансформация является ключевым элементом художественного сюжета поэтического текста «Крыло». В нем журавль уподобляется неказистому мальчику. Он лишен высокой эстетики и героического пафоса, но они – мальчик и журавль – вызывают симпатию и доверие читателя. И читатель тут, лучше сказать, зритель, тяжело переживает трагическую развязку. Слияние двух сущностей – журавля и мальчика – настолько сильно и бескомпромиссно, что (по сюжету) у мальчика вырастают крылья и он становится человекожуравлем.

Значительного эстетического эффекта достигает автор в поэтическом тексте «Сива ластівка» – когда дерево (яблоня) ведет себя в соответствии со сценарием поведения человека:

А коли проминали школу і сад,
 Молода <...> молоденька антонівка
 Підійшла до труни, сахнулась назад:
 – Олексію Антоновичу?!

Трагедия ухода из жизни доброго, умного, чрезвычайной духовной глубины человека – сельского учителя – выходит за рамки человеческих потерь. Живая природа сливается с человеком в единое целое, перенимая часть горя, сочувствуя, со-переживая человеку. Таким образом горе утраты (человеческой) становится потерей всеобщей, вселенской.

Метаморфозы и трансформации достаточно широко представлены в поэтическом мире Б. И. Олейника. В процессе рецепции и анализа художественно-образного изобретения автора прослеживается закономерность, которая характерна именно для него – это человеческая судьба, сущность становится частью вселенной, природы; становится самой природой. Такие трансформации эксплицируют концепцию мироустройства и сближают художественный метод с теорией ноосферы, глобального информационного и эстетического пространства. Всеобщность, нерасчлененность природы и человека, приобретение природой антропоморфных очертаний и субстанций является результатом растворения человека в мире природы. Такие интерпретации человека в творчестве Б. И. Олейника весьма близки к украинскому

и восточнославянскому ментальному пространству. В отличие от многих других народов, где природа может быть агрессивной и антагонистической по отношению к человеку, мир природы Восточной Европы дружелюбен к человеку. Человек же является частью природы, ее органической составляющей. Так, в поэтическом тексте «Мелодия» находим:

Я під серцем сховав свої квіти,
Я від ока чужого
Туманом осіннім укривсь.
Але якось вночі
Підійди і торкни мої віги –
Я тобі засвічусь,
Як нікому іще не світивсь!

Аналогичные преобразования нашли место и в гениальном произведении «Песня о матери». По форме, содержанию и своим орнаментальным спецификам это стихотворение с филигранной тонкостью отражает мир восточнославянского и, в частности, украинского этноса. Первые строки стихотворения наполняют образно-смысловые сегменты, легкоузнаваемые и ассоциируемые исключительно с восточнославянским миром:

Засіяла поле
літами своїми, як житом <...>

Прожитые годы превращаются в жизнедарующие зерна «жита». Поэт в своем авторизованном переводе сознательно использует старославянизм «жито» в значении «рожь», поскольку в общеславянском и украинском вариантах этой лексемы сохраняется корень «жит-», что генеалогически восходит к общей морфеме со значением «жизнь». Таким образом, природа, окружающая действительность, и мама становятся единым и целостным пространством. Эта идея подтверждается строками:

<...> Да я недалечко <...>
за солнышком <...>
может, успею.

«Недалечко» – лексема с деминутивным аффиксом, отражает сакральную и архетипную картину мира, то есть «я буду рядом с вами». Финальными строками этого стихотворения являются:

<...> и стала задумчивым полем,
землей и туманом
и вербой
и птицей в лесу.

Эти строки не только эксплицируют фило-софско-эстетическую концепцию бытия поэта, но и отчасти отражают восточнославянскую модель мироустройства (в восточнославянских языках распространены словосочетания «мать-природа», «мать-земля» и другие). Таким образом, рельефно выстраиваются глубинные архетипы славянского мира. Нельзя проводить прямую параллель между образами и сюжетами известного поэта и философии джайнизма или даосизма, но через призму вышеупомянутых стихотворений и многих других, но менее талантливых художественных полотен, мир природы, окружающей действительности, микро- и макрокосмоса одухотворен и наполнен божественной сущностью. Миры человека и природы органически едины, приобретают особое звучание и наполнение, это источник и продолжение человеческого бытия.

Природа – это нечто иное, как логическое продолжение человеческой жизни. В поэтическом наследии великого поэта и человек и окружающий его мир приобретают особую колористику, в которой четко прослеживаются национально-культурные украинские и восточнославянские конфигурации, в свою очередь созвучные с мировой и вселенской концепцией гуманизма и нежного чувства соучастия и сопричастности с вечными ценностями и идеалами любви. Галерея трансформаций и метаморфоз в поэзии Б. И. Олейника – это призыв и послы ныне живущим и грядущим поколениям, завет мира, сострадания, сочувствия, проповедь, апология мирного сосуществования и формула высшей мудрости, «с» которой и «в» которой должен жить человек. Поэтому поэтическая палитра этого поэта должна быть истолкована в контексте вселенского добра и примирения, а метаморфозы и трансформации как художественно-образный прием должны приобрести новое звучание и интерпретацию.

Список литературы:

1. Большой толковый словарь русских существительных / под ред. Л. Г. Бабенко. Москва, 2008.
2. Жайворонок В. В. Знаки української культури : словник-довідник. Київ, 2006.
3. Иллюстрированный мифологический словарь. Калининград, 2001.
4. Кирло Хуан. Словарь символов. Москва, 2007.
5. Літературний словник-довідник. Київ, 2006.
6. Мифы народов мира : в 2-х т. Москва, 1988.
7. Мельник Я. Г. Прологомени до українського дискурсу. Івано-Франківськ, 2012.
8. Олейник Б. И. Избранное. Стихи и поэмы. Москва, 2014.

9. Словарь античности. Пер. с нем. Москва, 1988.
10. Słownik terminów literackich / M. Glowński et al. Wrocław, 1998.
11. Markowski A., Pawelec R. Wielki słownik wyrazów obcych i trudnych. Warszawa, 2001.
12. Werzbiński Ja. Szkice ze stylistyki lingwistycznej. Łódź, 2017.

Melnyk Ya. H. LINGUO-POETIC MEANS REALIZATION METAMORPHOSIS AND TRANSFORMATIONS IN THE POETIC HERITAGE OF B. OLEINIK

The article considers such categories as metamorphoses and transformations as an element of the linguistic and poetic picture of the world. These conceptual categories have a long history, but scientific intelligence proposes to legalize their status as linguistic-poetic, literary, artistic-poetic and linguistic-cultural categories. They shed light on the phenomenon of changes in the framework of poetic and ideological achievements. The author of the poetic text with his work manifests the synthesis of linguistic and cultural (ethnocultural) and individual picture of the world. In this context, the proposed categories reflect the same binary variations. Transformations and metamorphoses are the loss of an object, object, phenomenon or process of some features, properties and substance in general and their acquisition of another, completely new nature. Such peculiar reincarnations reflect the ideas of the poet and the people about the essence of things and variants of their reincarnations. The author usually adds individual-personal and artistic-poetic variants of such variations to folk stereotypes. Most often, transformations and metamorphoses merge into a single background and form a unique poetic and figurative ornament. Interesting and relevant are the typological variants of such changes, which allow to interpret the author's poetic work as a unique linguistic and poetic picture of the world. From this point of view, B. I. Oliynyk's poetic heritage is of considerable interest and the development of the author's artistic and figurative inventions in this direction allows to see the gallery of images from a new angle, as well as to approve the proposed categories in their new artistic, poetic and scientific status. This means that the creative work of not only B. I. Oliynyk, but also other artists of the word, as well as folk poetry in general, can acquire a new research vector that will help to see more comprehensively and multifaceted creative heritage of writers and poets.

Key words: transformations, metamorphoses, artistic image, symbol, poetic picture of the world.